

Т.В. Красникова*

На окраине Джгерды

казавшись в секторе этнической экологии, я, по правде говоря, не очень рвалась в экспедиционную жизнь, побаивалась лиш-них эмоций. Но заведующий сектором В.И. Козлов, поручивший мне как выпускнице географического фа-культета сбор данных об условиях природной среды, которая окружает абхазских долгожителей, сказал, что это необходимо. В Абхазию я должна была отправиться с другой сотрудницей нашего сектора милой Ольгой Комаровой, которой был поручен сбор демографиче-ских сведений и которая до того в «поле» также не вы-езжала. Перед отъездом заведующий, он же - научный руководитель экспедиционных работ прочел нам не-большую лекцию о целях и структуре экспедиции и дал нам инструкцию о том, как мы с Ольгой должны вести себя на черноморском побережье, где местные любвио-бильные мужчины устраивают прямо-таки охоту на мо-лодых русских блондинок, к которым мы имели в дан-ном случае несчастье принадлежать. Мы с ней и сами были наслышаны о жизни на побережье Кавказа, но этот инструктаж «молодого бойца» с центральным те-зисом «не давать никаких авансов» постарались запо-мнить.

---

* Записано В.И. Козловым по рассказу Т.В. Красниковой

До Сухуми мы доехали роскошно – в отдельном купе спального вагона, любуясь мелькавшей за окном цветущей сиренью и разговаривая большей частью не на научные темы. Поезд приходил в Сухуми в 5 утра, но реалии суровой жизни мы почувствовали на два часа раньше, когда проводница, возможно, заподозрив в нас искательниц курортных развлечений, прервав предупредительный сон, довольно бесцеремонно отобрала у нас постельное белье и матрацы. Зато мы получили возможность полюбоваться морем, подходившем в некоторых местах почти к самому полотну железной дороги.

На вокзале в Сухуми нас встречала почти вся мужская часть нашего экспедиционного отряда во главе с его начальником А.П. Павленко, добравшаяся сюда из Москвы на экспедиционной машине. Эта машина, именовавшаяся ГАЗ-53 (в просторечье – «полуторка») оказалась для нас с Ольгой довольно суровым испытанием, так как несмотря на знак Академии наук СССР, украшавший дверцу кабинки водителя (земной шар в ромбе с волнистой лентой), она больше подходила для каких-нибудь сельскохозяйственных работ, чем для перевозки людей. Правда, внутри кузова наши мужчины, используя экспедиционные сундуки-баулы и спальные мешки, соорудили что-то вроде мягких сидений с острыми углами, но полагавшихся откидных лестниц у машины не было и залезть в кузов даже для мужчин было трудно. Для женщин, носивших, согласно этикета, юбки средней длины (носить в присутственных местах мини-юбки и брюки нам было не положено), перелезание через высокий борт, даже при протянутых в помощь мужских руках, превращалось в страдание. Очень трудно было и вылезать из кузова на землю, так как юбка нередко надувалась колоколом. Со временем мы с Ольгой натренировались подниматься в кузов и спускаться на

землю более элегантно и без сопутствующих стонов, но этот процесс по-прежнему привлекал пристальное внимание всех находившихся поблизости мужчин, и мы продолжали завидовать сопровождавшим нас абхазским женщинам, которые делали это более непринужденно и даже отказывались от протянутых для помощи мужских рук.

Нам предстояло работать в селении Джгерда Очамчирского района, находящемся примерно в 60 км к юго-востоку от Сухуми. Но прежде чем отправиться туда, мы прямо с вокзала заехали почти по пути в Абхазский НИИ языка, литературы и истории, чтобы представиться тамошнему руководству и прежде всего – заместителю директора д.и.н. Ш.Д. Инал-ипа, курировавшему экспедиционные работы в Абхазии. Здесь мы встретились и с сотрудником этого института Петром Квициния, который был в то время и заочным аспирантом сектора антропологии нашего института этнографии АН СССР. Он должен был сопровождать нас до Джгерды. Перед аспирантурой он несколько лет работал экскурсоводом, а потому, устроившись в кузове, сразу стал обогащать нас знаниями о Сухуми и дорожных достопримечательностях с возгласами: «Посмотрите налево..., посмотрите направо...»; в дальнейшем мы не раз работали с ним и он оказывал нам большую помощь в качестве гида и переводчика.

Вначале мы проехали к центру деревни, чтобы официально представиться в сельсовете. Встретили нас очень доброжелательно, а некоторые мужчины, знавшие А. Павленко по предыдущему приезду сюда, сразу стали приглашать нас всех на ужин. Но мы снова прогрузились в машину и поехали по какой-то боковой дороге, переехали по мостику через небольшую речку (в сезон дождей она становится широкой и бурной) и вскоре оказались на огороженной широкой зеленой поляне, на краю которой

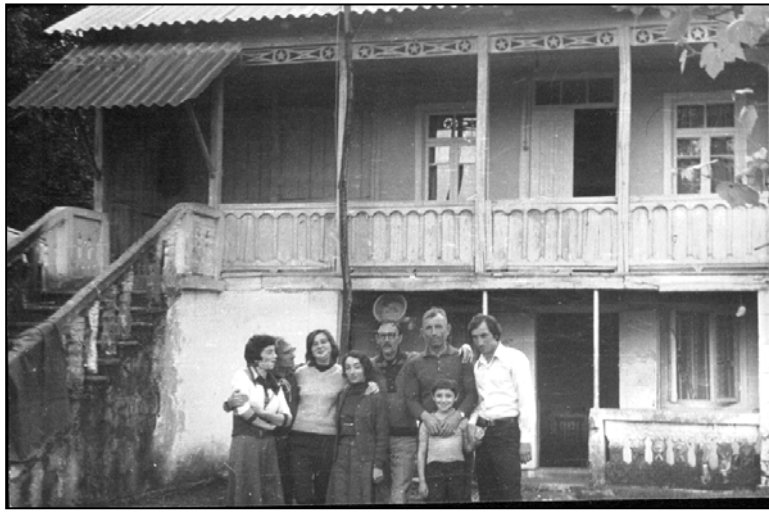
стоял довольно большой двухэтажный деревянный дом с верандой – место нашего будущего жительства.

Хозяин дома – Саид Джинджолия был тестем Петра Квициния, который заранее договорился с ним о нашем приезде. Старшая дочь и младший сын нашего хозяина уже обзавелись семьями и жили отдельно; средняя дочь училась и работала в Сухуми и дома бывала редко. Поэтому Саид с супругой жили в доме одни и охотно отвели нам второй этаж дома, традиционно предназначенный для гостей. На второй этаж вела внешняя лестница с красивыми бетонными перилами; такие же перила обрамляли террасу первого этажа.

Наш отряд расположился в двух смежных комнатах. Одна из них представляла собой просторную гостиную с окнами, выходившими на противоположные стороны дома: два – на террасу, два – на расположенный за домом огород. В гостиной стояли стол со стульями, сервант и маленький диванчик. Эта комната стала нашей «кают-компанией», где мы работали и отдыхали; вечерами там устанавливались раскладушки со спальными мешками и она превращалась в мужскую спальню. Из гостиной был вход в крохотную спальню, где стояли две кровати, а на полу лежала гора красивых стеганных одеял. Как я поняла, они входили в приданое невесте сына и использовались главным образом зимой, когда температура воздуха в комнате опускалась до минусовой. Мы с Ольгой устроились в этой комнате и спали на кроватях в своих спальнях мешках с вкладышами, так как из-за близости моря ночной воздух был сырым и прохладным. Хозяева не раз предлагали нам постельное белье, но мы, соблюдая стиль экспедиционной жизни, от него отказывались.

Наши хозяева жили на первом этаже, где имелись две комнаты. Одна – поменьше, с очагом, служила кух-

ней и столовой, вторая – спальней. Чтобы не тревожить хозяев, мы устроили себе кухню и столовую в расположенной рядом длинной постройке из бетонных блоков, называемой «казармой».

Сотрудники экспедиции О.Д. Комарова и А.П. Павленко
с семьей С. Джинджолия во дворе его дома.

Саид Джинджолия построил казарму для проведения в ней свадьбы своего младшего сына с намерением использовать ее в дальнейшем в качестве зимнего загон для скота. У казармы была задняя дверь, которая вела на хозяйственный двор; в этой части мы поставили газовую плиту с баллоном и расположили нашу хозяйственную утварь: посуду, ведра, тазы. Здесь мы готовили еду, мыли посуду и даже, отгородившись занавеской, мылись сами. В ближней к основному входу части казармы мы соорудили из оставшихся после свадьбы узких столов большой широкий стол, за которым мы ели сами и нередко посещавшие нас гости; в свободное

время его можно было использовать для игры в пинг-понг. В казарме было хорошее освещение и вечерами мы подолгу засиживались здесь, а не в гостиной на втором этаже дома.

В нашем отряде не была заведена система сменного дежурства: готовили пищу, мыли посуду, подметали земляной пол и т.п. обычно те члены отряда, которые были более свободными. На обед и ужин нас часто приглашали в гости, поэтому обычно общей трапезой у нас был только завтрак (нередко и вечерний чай), а наиболее частым блюдом – каша, которую готовил сам А. Павленко – приверженец английского «порриджа» и других англицизмов (свою кандидатскую диссертацию он писал о жизни в Англии). На кашу пошла и большая часть топленого масла, привезенного нами из Москвы.

После завтрака мы встречались в каком-то условленном месте со своими переводчиками и приступали к выполнению положенной работы. Сведения по заданной мне тематике я собрала без особых затруднений, лишь отчасти воспользовавшись помощью местного школьного учителя географии; кроме того эта тематика, в принципе, касалась не только территории Джгерды, но и всего абхазского региона. Что касается селения Джгерда (абхазы называют его во множественном числе – «Джгерды», так как оно состоит из нескольких поселков), то оно простирается с севера на юг по направлению течения основной здешней реки Дгамыш от юго-западных предгорий Кодорского хребта до слияния верхних притоков реки Тамыш. Население размещено по территории селения двумя ареалами: основной ареал раскинулся на 6 км с запада на восток и около 5 км с севера на юг в бассейне рек Тумиш, Дгамыш, Джигули и Кетвенарва. Эта часть села живописно раскинулась на пересеченной местности, изрезанной небольшими гор-

ными реками (одна из них протекала по границе нашей усадьбы) и их многочисленными рукавами. Усадьбы абхазов расположены на значительном расстоянии друг от друга и имеют большие приусадебные участки с полями кукурузы и люфы, нередко расположенные террасами на склонах холмов; один из высоких холмов, поросший каштанами, примыкал к усадьбе Джинджолия. Другой – меньший ареал расселения был расположен в северной гористой части села на территории пастбищ и имел немногочисленное население.

До поездки в экспедицию я была знакома с Абхазией только мельком – из окна автобуса во время экскурсии из Сочи на оз. Рица, и потому почти все увиденное в Джгерде было для меня новым, а многое удивляло. Удивляла меня стойкость памяти об умерших. В Джгерде (да и в других абхазских селениях) была распространена практика усадебных погребений, представлявших собой обычно красивые беседки, внутри которых стояла высокая плита с вычеканенной во весь рост фигурой умершего. Беседки были освещены электрическими лампочками, и темными абхазскими ночами можно было видеть огоньки, мерцавшие на склонах холмов. Днем, во время передвижения по селению, сопровождавшие нас родственники умерших обычно предлагали нам посидеть около таких могил на сооруженных там скамейках, помянуть покойного, для чего при могиле всегда находились чача и стаканы. Женщины среднего и старшего возраста в знак траура, длившегося годами, были одеты в платье черного цвета с длинными рукавами и закрытой шеей. Только молоденькие девушки носят светлую одежду, но с традиционной черной траурной лентой вокруг шеи.

Глубоко эмоциональное отношение абхазов к вечным вопросам жизни и смерти отразилось в се-

мейно-родовом празднике Джинджолия, проведенном по случаю того, что в этом роду уже 10 лет никто не умирал. На праздник съехались все родственники по мужской и женской линии, а также было много приглашенных, в том числе и члены нашего отряда. Старейшины селения провели моление, затем принесли в жертву специально выращенного и оскотиненного горного козла. Части разделанного козла сварили в большом котле и кусками его наделили всех присутствовавших в порядке возрастного статуса. По этикету за столом сидели только мужчины и особо приглашенные женщины; местные женщины занимались приготовлением еды, молоденькие девушки стояли за спинами сидевших мужчин с кувшинами вина в руках и незамедлительно наполняли опорожненные стаканы.

Кроме этого большого, запомнившегося мне застолья нас часто приглашали на рядовые «гостевые» застолья и различные семейные праздники, заменявшие нам обеды и ужины. К концу экспедиции мы уже хорошо представляли себе застольный этикет и порядок провозглашения тостов, научились есть руками горячую круто сваренную кукурузную кашу («абысту»), поддевая ее кусочками копченого сыра и т.п. Я старалась быть за столом малозаметной, зато Ольга Комарова старалась, как говорится, за двоих, и своим ясным, чуть трепетным голосом произносила такие красноречивые тосты, что удивляла даже поднаторевших в этом мужчин; один молодой абхаз признался мне, что в жизни не слышал, чтобы женщины произносила тосты столь красноречиво.

В селении к нам с Ольгой относились с большим уважением. Мужчины, даже совсем пожилые, всегда приветствовали нас стоя. Молодые мужчины не пыта-

лись установить какое-то близкое знакомство. В общем, применять полученную в Москве инструкцию по общению с кавказскими мужчинами нам не приходилось. Одновременно с нами в Джгерде работала экспедиция Абхазского НИИ во главе с Ш.Д. Инал-ипа. Целью этой экспедиции был сбор материалов для написания сборника статей «Село Джгерда» с его комплексной характеристикой. Устроились наши коллеги очень основательно в здании школы, расставив в классах кровати с одеялами в белоснежных, как мы заметили, пододеяльниках. В этой работе были приглашены принять участие и мы (в частности, мне поручили написать природно-экологический обзор села), но реально общались мы довольно редко.

Здесь я должна сказать, что мне очень повезло, что в первый экспедиционный выезд мне удалось пообщаться и поработать вместе с известным кавказоведом Вениамином Павловичем Кобычевым, изучавшим условия труда и физической деятельности абхазских долгожителей. Кобычев не только обогащал нас своими разносторонними знаниями, но и удивлял интенсивностью жизни, как бы предчувствуя, что ему придется уйти из нее досадно рано. Он был инициатором всех посиделок у костра. Ему буквально не сиделось на месте, а когда такое случалось, то он через несколько минут обращал внимание, например, на расположенный рядом высокий холм, и вот мы уже лезли целый час на вершину холма, чтобы насладиться оттуда прекрасным видом на окрестности. Бывало и так, что, просыпаясь утром, мы видели из окна, как рано вставший В. Кобычев работает с хозяином и его помощниками в поле, вскапывая его мотыгой под кукурузу.

С В.П. Кобычевым мы несколько раз поднимались в горы по дороге вдоль русла реки, что очень помогало мне в географических наблюдениях. Наклон местности превышал наклон речного стока, и чем выше мы поднимались по дороге, тем заметнее становилось ущелье, которое прогрызла река. В некоторых местах берега возвышались метров на 20 над уровнем воды. Слой черноземной почвы резко контрастировал с широким подпочвенным слоем белых известняков. Река, в это время мелкая и прозрачная, тихо струилась вниз. Но разбросанные там крупные камни и подмытые берега давали яркое представление о том, какой бурной она бывала в половодье. В горах возвышались мощные стволы каштанов, перевитых лианами грабов и буков, а изобилие диких плодовых деревьев и кустарников создавало впечатление, что, если запастись ими летом, то можно спокойно перезимовать только на дикоросах. К сожалению, традиционно лишь очень малая часть их собиралась впрок: чаще всего это были алыча, грецкий и, иногда, медвежий орех, побеги сассапарели, а также мушмулла, дикие яблоки, груши и кизил. По традиции, абхазы не собирали съедобных грибов.

В освободившееся у меня от географической тематики время я помогала Ольге Комаровой выписывать статистические сведения из похозяйственных книг в сельсовете, а также по работе в статистических архивах и архивах ЗАГСов гг. Очамчири и Сухуми. Кроме того, наш отряд работал с анкетой по верификации возраста старых людей и с анкетой о жилищно-бытовых условиях долгожителей. Работа не отличалась большой сложностью, но ее успешность во многом зависела от наших сопровождающих – местных помощников-переводчиков.

По этикету молодые переводчики не могли задавать некоторые вопросы самим долгожителям и тогда работа с ними строилась по цепочке: интервьюер – переводчик (сопровождающий) – старший родственник долгожителя (обычно – его сын или дочь) – сам долгожитель. Признаю, что в некоторых случаях мне не хватало журналистской, так сказать, напористости, поэтому я предпочитала ходить на анкетирование вместе с Ольгой Комаровой или с кем-то из наших мужчин. Пользуясь случаем, хочу отметить родственницу Саида Джинджолия молодую и активную Сусану, которая пользовалась большим уважением и доверием односельчан и оказала нам существенную помощь в качестве переводчицы.

Примерно в середине моего пребывания в Джгерде к нам заехал наш заведующий сектором и научный руководитель В.И. Козлов. Ознакомившись с ходом нашей работы, он признал ее вполне удовлетворительной. Похвалил он и мою деятельность, попросив показать наиболее достопримечательные места селения, что и было сделано на следующий день. На третий день В.И. Козлов остался после завтрака дома, чтобы оформить какие-то свои записи, но, вероятно, быстро завершил эту работу и, видимо, будучи столь же деятельным, как его хороший приятель В.П. Кобычев, занялся сооружением запруды в речке на границе усадьбы. Запруды, честно говоря, оказалась невысокой и не намного улучшила наши водные процедуры, а сам строитель, проведя часа два в холодной воде по колено, вечером стал мучиться от зубной боли и на следующий день оставил наше общество.

После отъезда В.И. Козлова наш непосредственный начальник А.П. Павленко, вероятно, для восстановления своего статуса, стал более придирчивым, особенно ко мне, так как подобно многим другим истори-

кам смотрел на географическую науку с некоторым недоумением. Мне пришлось некоторое время поработать с удвоенной энергией с анкетой по верификации возраста старых людей, чтобы наверстать упущенное время. К тому же, лучших переводчиков Павленко оставлял для себя, а мне доставались не вполне качественные в этом отношении люди, вроде робкого парня, недавно демобилизованного из армии.

Однако по возвращении в Москву эти и другие мелкие неприятности были вскоре забыты. В памяти надолго остались большая зеленая лужайка перед домом с цветущими на ней дикими маргаритками, темные абхазские ночи с густым как парное молоко воздухом, рассекаемым огоньками светлячков и пронизанном странным кваканьем древесных лягушек, безлюдный участок морского побережья, куда мы иногда ездили купаться, доброжелательные лица знакомых абхазов и другие милые сердцу картинки.

Я принимала участие еще в двух абхазских экспедициях, но поездка в Джгерду осталась самой памятной.

